

ЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ/НЕТОЛЕРАНТНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Одной из сложнейших проблем современного общества является вопрос о национальной принадлежности. Существуют две точки зрения. Согласно одной из них, нация понимается как совокупность людей одного и того же происхождения (того же *рода*) и вытекающей из этого общей культуры. Имеется в виду территориальная и историческая общность. Важнейшая характерная черта нации – это язык. Вторая точка зрения, наблюдаемая во многих странах Западной Европы, заключается в соединении понятия нации с государством. Немцем или французом не является тот, кто считает своим родным немецкий или французский язык, а тот, кто является гражданином Германии или Франции. Расхождение между обеими тенденциями является принципиальным [Dyczewski L. *Tożsamość społeczno-kulturowa w globalizującym się świecie* // *Kultura i Społeczeństwo*. 2000. № 1. С. 18].

Следует отметить, что в обоих подходах важным является формальное определение национальной принадлежности. В традиционном понимании, характерном для некоторых стран Восточной Европы, решающее значение в определении национальной принадлежности имеет сознание людей. Согласно западноевропейской точке зрения, встречающейся довольно часто, национальная принадлежность вытекает из государственного гражданства. Например, мы говорим «поляк с американским гражданством», а на Западе говорят «американец польского происхождения».

Другой чертой, не менее существенной при определении национальности, важной, конечно, с общественной точки зрения, является то, что все-таки центральное место в наших рассуждениях занимает язык. В данном случае языковеды могут согласиться с тем, чтобы термин *нация*, несмотря на его традиционное понимание, не связывать с понятием *язык*, как желали бы этого социологи и политики, представляющие западноевропейскую точку зрения. Важным, на наш взгляд, является вопрос, связанный с современной общественной обстановкой в Европе и в мире в историческом аспекте. Дело в том, что историки не всегда согласны с однозначным толкованием становления и развития нации. Не дело лингвиста подвергать это мнение критике, хотя в связи с этим могут появиться некоторые сомнения.

При рассмотрении конфликтов, связанных с языковыми проблемами, можно выделить две причины: 1) нарушение закона, 2) неудачные юридические формулировки.

Что касается первого случая, то следует отметить, что организаторами правового порядка являются не народы и не языковые общности, а государства, учитывающие общепринятые международные положения. Декларацию прав человека подписывали конкретные государства, а не, например, баскская языковая общность или албанцы из Косово. Подписывая Декларацию,

государства морально обязываются ее соблюдать, но соответствующие принципы должны быть записаны в конституции и в вытекающих из нее внутренних правовых актах. Только тогда, в случае их несоблюдения, можно говорить о нарушении закона.

На вопрос, содержащийся во втором пункте, а именно, достаточными ли являются формулировки, касающиеся прав человека по отношению к языку, может попытаться ответить юрист, политик, социолог, а также и лингвист, хотя нередко его мнение не считается важным. Обычно конституция гарантирует употребление языка в личной и общественной жизни, распространение информации на родном языке и доступ к ней.

Наверное, создатели Декларации прав человека имели в виду двуязычность языковых контактов, поскольку они заботились о том, чтобы нашлось доступное для всех, и, в частности, для национальных меньшинств, право пользоваться языком в личной и общественной жизни наряду с возможностью распространения на нем информации. Однако, одобряя намерения законодателей, мы можем поставить вопрос, предусмотрели ли они реальность претворения прав человека в жизнь.

Начнем с того, что между языками существуют большие различия. В мире насчитывается огромное количество языков, на которых говорят десятки миллионов человек, а также есть языки, на которых говорят лишь тысячи, а то и сотни человек. Существующее неравенство соответствующих общественных групп порождает дальнейшую их дифференциацию.

Со всем этим связаны конкретные результаты двуязычности языка. Появляются некоторые барьеры, например, экономические, преодоление которых для маленьких общностей или языковых меньшинств сопряжено с большими трудностями. Имеет ли право небольшая языковая группа в свете общественных уставов издавать и распространять прессу, художественную, научную и религиозную литературу? Можно ли развивать систему образования на родном языке, отправлять богослужение, создавать театры, снимать фильмы, иметь собственное радиовещание и телевидение?

Конечно, никто и ничто в принципе этому не мешает. Только возникает прозаический вопрос, кто за все это будет платить? Немецкое меньшинство в Силезии, наверное, получит из ФРГ любое количество катехизисов, школьных учебников и художественной литературы. Поляки, проживающие за пределами Польши, например, в Литве, получают помощь, но, видимо, уже с большими затруднениями. Еще сложнее обстоит дело, например, с белорусским меньшинством за пределами своей страны. А откуда все это возьмут лужичане, бретонцы, баски, корсиканцы, цыгане и другие малочисленные народы?

Языки не существуют сами по себе, на них говорят люди, а люди живут в обществе. Язык может как объединять, так и разъединять людей, становиться источником конфликтов и войн. Прежде всего, по владению языком люди определяют «наш» или «не наш» человек, что иногда влечет за собой негативные последствия.

Язык, который человек усваивает в раннем детстве, называют *материнским* или *родным*. Что такое родной язык, вроде бы ясно всем. Разве каждый человек не определяет для себя безо всяких колебаний, какой язык для него родной? Проблем нет, когда родной язык совпадает с этнической принадлежностью. Обычно так и бывает, но далеко не всегда. Под влиянием политических эмоций люди забывают, что никакой язык невозможно произвольно объявить родным (можно объявить государственным, официальным) и что никак нельзя назвать родным языком человека тот язык, которым он не владеет или владеет плохо.

Говорить всегда и везде на родном языке – естественная потребность человека, которую можно назвать *потребностью идентичности*. Причины ее очевидны. Неродные языки всегда выучиваются с большим трудом, чем родные, что создает определенный дискомфорт.

В то же время для многих людей родной язык является и языком своего народа. Поэтому необходимость учить чужой язык часто ущемляет национальные чувства, вызывает ощущение социальной неполноценности. Вместе с тем чужой язык может считаться более престижным или открывать путь к карьере.

По способу овладения неродными языками можно говорить о так называемом добровольном и вынужденном двуязычии. Конечно, добровольность – вещь относительная. Нельзя сказать, что дети учат в школе иностранные языки по доброй воле: этот предмет входит в обязательную программу. Некоторые люди с трудом овладевают иностранным языком (около 10% почти не способны усваивать чужие языки, причем этот недостаток никак не влияет на умственные способности индивида). В таких случаях возможны неприятные ситуации вроде провала на экзамене, невозможности выбора некоторых профессий (например, переводчика или дипломата). Вместе с тем следует отметить, что можно полноценно жить в обществе, не зная ни одного иностранного языка.

Однако для сотен миллионов людей двуязычие является вынужденным. Например, польско-английское двуязычие считается добровольным, пока носитель польского языка, освоивший английский, живет в Польше. Если же он принял решение переселиться на постоянное местожительство в США, то его двуязычие уже окажется вынужденным. В этой стране нельзя жить более или менее полноценно, плохо зная английский язык.

Вынужденное двуязычие касается не только переселенцев, но и большинства национальных меньшинств. Всем ясно, как важно в чужой стране свободно владеть государственным языком. Это касается не только людей разных национальностей, постоянно проживающих в США, Англии, Франции или в любой другой стране. Так было и в царской России, и в бывшем СССР, ничего не изменилось и в сегодняшней России. Какой бы ни была государственная политика, сама жизнь требует знания языка той страны, в которой живет человек.

Что же касается двуязычных граждан, которые оказались не на своей исторической родине, то они могут ощущать свое языковое неравенство с коренными жителями, которые с раннего детства говорят на государственном (официальном) языке. Выводы из этого люди делают разные.

Для некоторых людей карьерный рост важнее, чем их национальное самосознание. Они прежде всего стремятся освоить государственный язык и не думают о судьбе родного языка. Кроме того, они заинтересованы в том, чтобы их дети знали государственный язык страны, в которой они живут. В этом, безусловно, нет ничего плохого, но иногда страдает родной язык. Так, например, в Литве некоторые родители из смешанных и русских семей отдают своих детей в литовские школы в надежде на то, что только там их дети в совершенстве овладеют государственным языком, знание которого необходимо в дальнейшей учебе, карьере и т.д. Но не всегда их надежды оправданы.

Другой возможный вариант: пользуясь государственным языком, одновременно сохранять исконный язык в качестве национального символа. Так поступают некоторые малые народы Европы, например, валлийцы в Великобритании. Они учат национальный язык в школе так, как обычно учат иностранный язык, общаются и поют на нем на праздниках, устраивают курсы на знание валлийского языка. Но говорят валлийцы, в том числе и в быту, обычно по-английски.

И третий вариант: ставится задача сломать иерархию. Обычно так поступают народы, которые борются за национальную независимость. В первой половине XIX в. чешский язык считался деревенским и использовался только в быту. В городах чехи переходили на немецкий язык. Чешскому языку предсказывали скорое исчезновение. Но получилось иначе. Началась борьба за национальное возрождение — прежде всего в культурной сфере. Появилась художественная литература, потом газеты и журналы на чешском языке. Многие образованные люди, для которых чешский язык даже не был родным, сознательно стали говорить на нем. В 1918 г., когда рухнула Австро-Венгерская империя, чешский язык получил все права в Чехословакии, а теперь и в Чехии. И такой путь прошли некоторые другие языки.

Описанная выше трехуровневая иерархическая структура — самая распространенная, но не единственная. Иное положение можно наблюдать во многих бывших колониях, например, в Индии или в странах Африки. Здесь ни один из местных языков не может быть поставлен выше других. Так, в Индии в качестве официальных языков выступают хинди и английский, в Африке — часто французский, хотя практически ни для кого ни английский, ни французский не являются родными. В этих странах привилегированное положение занимают двуязычные люди, знающие европейский язык. Обычно они составляют всего несколько процентов населения, но играют ведущую роль в культуре и во властных структурах.

В некоторых странах нет одного государственного языка. В этом отношении интересна языковая ситуация в Швейцарии, где официальными

были признаны четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретоманский. В стране нет двуязычия, по крайней мере, принудительного. Например, житель немецкой части имеет полное право не знать французского языка, а житель французской – немецкого. Если швейцарец обращается в центральные учреждения страны, чиновник обязан отвечать на том языке, на котором его спрашивают.

Швейцарская ситуация часто считается образцовой для многоязычной страны. Разное количество этносов определяет и особенности языковых ситуаций в таких странах. Малое количество языков позволяет объявить официальными все наиболее многочисленные по количеству говорящих языки, представленные в этих странах. В условиях одинакового официального статуса разные языки могут играть примерно сходную роль, например, французский и нидерландский (фламандский) в Бельгии, английский и французский в Канаде и т.д. Вместе с тем они могут сильно различаться объемами функций и сферами употребления. Так, в Финляндии, где государственными являются два языка (финский и шведский), доминирует финский язык, поскольку шведы составляют всего около 6% населения страны. Однако такие ситуации не столь многочисленны. Обеспечить равные права для всех языков можно, когда их два – три, а как быть, если языков десятки?

Процессы интеграции и дифференциации, характерные для конца XX в. и начала XXI в., имеют непосредственное отражение в языках народов мира и ведут, с одной стороны, к многоаспектному взаимовлиянию контактирующих языков, с другой стороны, в связи с ростом национального самосознания имеет место стремление национальных языков к обособлению. Языковая реальность как зеркало отражает диалектику этих противоречивых процессов и тем самым ставит перед исследователями новые задачи и проблемы [Nosowicz J.-F. *Проблемы взаимодействия родного и преподаваемого иностранного языка на когнитивном уровне* // Valodu apguve: problemat un perspektiva. III. Zinatnisko rakstu krajums. Liepāja 2004. С. 378].